

И.В.Сахаров

О домашней библиотеке Василия Федоровича Сахарова

Отцовская библиотека... В этих двух словах для меня заключено много личного. Начиная с раннего детства она непосредственно составляла среду моего обитания. Я, можно сказать, «поселился» в ней с первых дней моей жизни, в ней я вырос, всю жизнь она была у меня под боком, и, в довершение всего, после кончины отца я эту библиотеку унаследовал, а теперь мне приходится окончательно определить ее судьбу как цельного собрания. Поэтому мой рассказ о библиотеке неизбежно будет «окрашен» моим личным ее восприятием, ибо я вижу ее «через призму» моего собственного сознания.

* * *

Начать разговор о библиотеке отца вполне уместно с истории ее возникновения и первых лет ее существования.

Когда мои родители приняли решение соединить свои судьбы, отец переехал к моей матери (есть основания думать, что это произошло осенью 1929 г.), которая в то время проживала в квартире, принадлежавшей мужу ее родственницы, врачу Григорию Михайловичу Рутенбургу, но, в соответствии с новыми порядками, подвергшейся, как тогда говорили, «уплотнению» за счет насильственного вселения новых жильцов. В конечном счете, после ряда акций «уплотнения» и обменов, в этой «коммуналке», располагавшейся на третьем этаже в семиэтажном доме 28 по Пионерской улице (незадолго до этого она называлась Большой Гребецкой, а дом впоследствии сменил номер и теперь значится под номером 22), моим родителям досталось две из пяти комнат – одна маленькая, площадью метров 10-12 (темная, окно в узкий дворовый «колодец»), вторая большая, площадью около 24 кв. м (с широкими окнами на улицу и с балконом).

В большую комнату и переехали отцовские книги, которые он стал собирать еще в гимназические годы. В этой комнате протекала вся дневная бытовая жизнь семьи. Здесь, что было типично для тогдашних тесных «коммуналок», сочетались не очень сочетаемые в «нормальной» жизни гостиная, столовая, рабочий кабинет и родительская спальня (моя же кровать располагалась «в детской», то есть в маленькой комнате). Там стояли обеденный стол, шкаф для одежды, буфет, кровать... Но центром ее был огромный дубовый, очень красивый письменный стол (помнится, отец рассказывал, как сразу после революции он вывез его из брошенного кабинета какого-то банкира, это было зимой, и он волок стол на салазках). Долгие годы отец работал за этим столом, пока не решил передать его мне, и теперь он украшает мой кабинет.

Итак, начиная с конца 1929 года, в непосредственной близости от этого стола, захватывая один метр за другим вдоль стен, появились и стали множиться одна книжная полка за другой, ибо домашняя библиотека вскоре стала разрастаться, и постепенно она стала претендовать в большой комнате на господствующее положение.

Когда я говорю о том, что я родился и вырос в отцовской библиотеке, я, конечно, в какой-то степени утрирую. Скорее всего, мать старалась держать меня с младенческих лет подальше от библиотечной пыли. Однако весьма

символично, что на одной из первых моих фотографий (если не на самой первой) я изображен на руках отца, сидящего за своим письменным столом, рядом с книгами и бумагами.

Кроме того, с дошкольных лет (а читать я научился рано, лет четырех-пяти) у меня, заботами родителей, появилось собственное «книжное собрание». Начало ему положили миниатюрные издания в серии «Книжки-малышки». У меня до сего дня сохранилось их около десятка, издания 1937-1939 гг. Кроме того, я берегу связанное с ними едва ли не первое свидетельство моего эпистолярного творчества – сохранившееся в архиве отца написанное мною чернилами на небольшом обрывке линованной бумаги письмо (так сказать, послание библиофила библиофилу) следующего достаточно «драматического» содержания, свидетельствующего о том, что отцовская страсть книголюба уже передалась его малолетнему сыну: «Если папа не даст мне книжку-малышку то я умру. Но если папа мне даст книжку-малышку то я останусь жив» (сохранена орфография и пунктуация подлинника, «книжку» исправлено мною на «книжку»). Выписывался для меня и журнал «Мурзилка» (смутно помню также журналы «Чиж» и «Ёж»), хорошо помню первые книги, которые я прочел, – «Что я видел» Бориса Житкова и «Доктор Айболит» Корнея Чуковского (последняя, 1936 года издания, до сих пор стоит у меня на книжной полке), затем, когда я был уже постарше, книгу С.Т. Аксакова «Бабочки», «Жизнь насекомых» Ж.А. Фабра и «Атлас бабочек Европы», составленный Э.Гофманом и подготовленный к печати под редакцией Н.А. Холодковского (до войны во мне пробудился живой интерес к бабочкам, и я даже пытался составить собственную коллекцию этих прелестных созданий). Так отец положил начало не только своей, но и моей библиотеке. Однако я с детства постоянно «пассаю» и возле отцовских стеллажей, хотя, разумеется, мне строго-настрого было велено к книгам не прикасаться.

Осенью 1941 г. Военно-транспортная академия, в библиотеке которой работала моя мать и куда в это время был зачислен и мой отец (по состоянию здоровья и как кандидат наук – защита диссертации состоялась в мае 1941 года – он не подлежал мобилизации), была отправлена в эвакуацию в Кострому. Эшелон, в котором ехал отец, благополучно добрался до Костромы. Однако следующему, в котором находилась моя мать, пришлось сразу вернуться с пути в Ленинград, так как в этот момент немецкие войска захватили станцию Мга и тем самым перерезали последнюю железную дорогу, соединявшую Ленинград с внешним миром. В результате самые страшные месяцы блокады мать провела в осажденном городе. Нет худа без добра, ибо это спасло отцовскую библиотеку. Когда мать, вернувшись неожиданно для соседей чуть ли на следующий день после отъезда, поднималась по лестнице в свою квартиру, она встретила соседку, уже спускавшуюся с какими-то предметами моей детской мебели, намереваясь их продать. Нет никакого сомнения в том, что в холодную зиму 1941-1942 года оставшиеся без хозяина отцовские книги были бы использованы соседями в качестве топлива.

Так или иначе, когда в 1944 году наша семья вернулась из эвакуации на Пионерскую улицу, в окнах большой комнаты вместо стекол, выбитых взрывной волной, «красовалась» фанера, но книги были целы, и у отцовской библиотеки началась вторая жизнь. Она снова стала быстро расти, быстрее, чем прежде, стеллаж за стеллажом (попутно замечу, что отец всегда основательно интересовался библиотечным оборудованием, и стеллажи заказывались по его собственным рисункам), продолжая теснить все другие стороны домашней

бытовой жизни. Когда же, наконец, наша семья получила в 1961 году отдельную (впервые – отдельную!) трехкомнатную квартиру (на проспекте Смирнова, в новопостроенном доме, где разместилось общежитие студентов Института культуры), то библиотеке была отведена отдельная большая комната, в которой отец и обосновался и где он устроил и свою спальню. Между тем, книжному собранию пришлось пережить еще один переезд – в связи с тем, что в 1983 году дом, где жили родители (мы с женой незадолго до этого перебрались в небольшую квартирку ее матери), пошел на капитальный ремонт, им взамен была предоставлена двухкомнатная квартира в новом доме на Богатырском проспекте. Здесь он прожил последние годы своей жизни, здесь, среди любимых им книг, вечером 2 июня 1986 года он и скончался.

* * *

В своем докладе, посвященном отцовскому архиву и прочитанном на первых Сахаровских чтениях, состоявшихся 12 ноября 2008 г., Г.В.Михеева справедливо отметила, что личный архив всякого ученого позволяет заглянуть в его «святая святых» – в его творческую лабораторию, и в своей прекрасной статье, основанной на этом докладе (Михеева Г.Н. Архивный фонд В.Ф.Сахарова и его судьба // Первые Сахаровские чтения. СПб., 2008. С.33-38), она не просто *заглянула* в его творческую лабораторию, но с большим знанием дела, правдиво и с большим мастерством (и, что мне особенно приятно, с искренней симпатией к своему учителю) сумела охарактеризовать его личность как ученого, и я пользуюсь случаем, чтобы от всей души поблагодарить Галину Васильевну за этот ее труд.

Развивая мысль Г.В.Михеевой, я должен сказать, что понять личность моего отца и как ученого, и как человека помогает не только его архив, но и его личная библиотека. Я бы даже сказал, – ничуть при этом не вступая в полемику с Г.В.Михеевой, а, напротив, скорее подтверждая и дополняя ее мысль, – что библиотека в некотором смысле была для отца важнее его архива, потому что архив, если можно так сказать (пусть даже это утверждение не вполне точно), складывался в какой-то степени пассивно, сам по себе, как побочный продукт его активной и разносторонней деятельности (он ведь никогда целенаправленно рукописи не собирал), тогда как библиотека с самого начала была его любимым детищем, которое он активно и увлеченно растил и лелеял всю свою сознательную жизнь (рискну даже сказать, – без всякого упрека, – что, может быть, отец потому и казался мне человеком в целом сдержанным в своих чувствах и суровым, что чувство нежности, которое все же было ему присуще, он растрачивал именно на книги, и не случайно мне порой недоставало отцовской ласки).

Итак, следует прежде всего задать вопрос, каков же был состав его библиотеки.

В этой статье я не имею возможности подробно ответить на поставленный вопрос. Дело в том, что даже при жизни отца размещение книг по стеллажам было, как мне казалось, с точки зрения их группировки по тематическим разделам, не вполне логичным (так, кстати, сейчас располагаются книги и в моей собственной библиотеке) и, во всяком случае, понятным ему одному (сам он любую нужную ему книгу находил легко). После же его кончины и последовавшего в августе 1986 года воссоединения нашей семьи (состоявшей теперь из меня, моей жены и моей престарелой матери) на другой

квартире (в доме на Дибуновской улице, где я теперь и живу) порядок был еще больше нарушен, тем более, что в новый дом переместилось и мое личное книжное и архивное собрание, по объему уже превосходившее отцовское. В этих условиях расставить книги отца должным образом возможности не было – небольшая часть его книг даже осталась в картонных коробках не распакованной. Наконец, когда в свое время я принял решение подарить отцовский архив и большую часть его книжного собрания Российской национальной библиотеке, я переправил и архив, и часть книг в РНБ, причем если архив благополучно нашел свое место в фондах Отдела рукописей, то книги, запакованные в коробки, в настоящее время находятся в и без того тесном рабочем помещении Института генеалогических исследований, которым я имею честь руководить (как говорится, тем самым я пользуюсь своим служебным положением, и моим коллегам, пока их терпение не лопнуло, остается только ворчать). Оставшаяся же у меня дома часть библиотеки тоже частично расположилась на стеллажах моей собственной библиотеки, а частично по-прежнему остается в коробках; некоторые из них, за нехваткой места, даже лежат на балконе (разумеется, остекленном). Все это, кстати, теперь лишает меня возможности не только назвать сколько-нибудь точное число книг, брошюр, журналов и оттисков, составляющих рассматриваемое собрание, но даже хотя бы приблизительно определить совокупную длину полок, на которых они были некогда расставлены (кстати, и при жизни отца многие книги и журналы тоже не стояли на полках, а лежали стопками в разных углах кабинета). Все это я говорю здесь для того, чтобы дать понять, что даже если бы я и захотел дать обстоятельную и точную характеристику состава отцовской библиотеки, то сегодня я не сумел бы это сделать.

Поэтому ниже я попытаюсь дать лишь самое общее и, разумеется, совершенно недостаточно полное, фрагментарное представление о том, из чего состояло отцовское книжное собрание. Конкретные же примеры, которые я привожу, стараясь проиллюстрировать те или иные общие положения (в основном при этом я называю издания дореволюционных и довоенных лет), выбраны достаточно случайно – речь идет о тех изданиях, которые в ходе написания статьи просто оказались у меня перед глазами (это относится и к краткому списку редких изданий, приведенному в приложении).

В целом состав библиотеки отца достаточно разнороден, что отражало широту его интересов.

В личной библиотеке каждого интеллигентного человека не может не быть в той или иной степени представлена беллетристика. Произведения художественной литературы приобретал и отец, но делал это не систематически и с большим выбором.

В качестве примера назову книги, изданные перед революцией в серии «Памятники мировой литературы»: «Драмы» Софокла (т. I-III. М., 1914); «Алкей и Сафо» (М., 1914); «Персидские лирики X-XV вв. (М., 1916); «Песнь о Гайаватте» Лонгфелло (М., 1916); Полное собрание сочинений А.Н. Майкова (т. I-IV, кн. 1-8. – Бесплатное приложение к «Ниве» 1914 г.); Полное собрание сочинений С.Я. Надсона (т. I- II, кн. 1-8. – Бесплатное приложение к «Ниве» 1917 г.); Полное собрание сочинений и писем И.С. Никитина (т. 1-3. СПб.-Пг, б.г.). Такие людей, как он, коллекционеров по натуре, легко «посадить на иглу» неперемного приобретения всех без исключения изданий, входящих в серию, по мере их выхода в свет, независимо от того, насколько каждая из них интересна сама по себе и будет ли она вообще прочитана или хотя бы бегло

просмотрена. Так, однажды, еще в довоенные годы, начав покупать книги из «Малой серии» «Библиотеки поэта», отец уже не мог остановиться и в итоге собрал почти полный ее комплект. После войны он старательно пополнял собрание книг из серии «Выдающиеся деятели науки и культуры в Петербурге–Петрограде–Ленинграде». Кроме того, он охотно собирал однотомники классиков русской литературы, реже мемуары.

Среди других тем, его интересовавших, было рабочее и вообще революционное движение. Примером литературы на эту тему, отложившейся в отцовском собрании, могут служить часто используемые теперь мною «Политическая каторга и ссылка: Биографический справочник членов О-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев» (М., 1929) и «Деятели революционного движения в России: Био-библиографический словарь» (т.5. Социал-демократы. 1880-1904). Вып.1. А–Б. М., 1931). При этом основное внимание он уделял вопросу о том, что именно читал рабочий люд во второй половине XIX – начале XX столетий (в этом контексте его интересовала, в частности, личность И.В.Бабушкина как читателя).

Сам составитель (вместе с Т.П. Соколовой) первого в стране «Англо-русского словаря библиотечных терминов» (Л., 1941), отец питал особое пристрастие к словарям, и в его книжном собрании – множество двуязычных словарей (представлены латынь, греческий, все основные современные европейские языки), как капитальных, так и кратких, в том числе словарей иллюстрированных, словарей миниатюрных и т. д.

Однако главное, что интересовало отца как библиофила, – это литература, близкая ему по его основной специальности. Он увлеченно собирал литературу по книжному делу в самом широком смысле этих слов – по книговедению, библиографии и, прежде всего, по библиотековедению как таковому. С одной стороны, это, естественно, отражало круг его интересов в пределах избранной им специальности, так сказать, «узкой специальности во всей ее широте» (от проблемы открытого доступа к книжным полкам до вопроса о специальном библиотечном оборудовании), но, с другой, в какой-то степени, являлось следствием своего рода мании собирательства.

Будучи по натуре, с одной стороны, по духу коллекционером, а с другой, по натуре, – ярко выраженным перфекционистом и максималистом, он стремился в избранной им сфере приобретать всё без исключения, не обращая внимание не реальную значимость тех или иных изданий. Чтобы достичь полноты, он не щадил времени и усилий, и единственным фактором, ограничивавшим его увлечение, были ограниченные финансовые возможности. Он регулярно, как правило, еженедельно, посещал букинистов, и я иной раз составлял ему компанию в походах в располагавшиеся в свое время на Литейном проспекте магазины «Букинист» и «Академкнига» (в последнем, помню, мы поднимались в помещение на втором этаже, куда допускались только избранные). Нередко отец письменно обращался к тому или иному автору с просьбой прислать ту или иную книгу или брошюру. С другой стороны, книги «сами шли к нему в руки» (в частности, авторы нередко присылали ему свои работы с просьбой их отрецензировать).

В итоге основной раздел его собрания – библиотековедение, библиография и книговедение – отличается исключительной полнотой.

Так, отцовская библиотека содержит многочисленные издания Русского Библиологического Общества предреволюционных и первых послереволюционных лет – «Доклады и отчеты» Общества за разные годы,

«Библиологические сборники» (например, два выпуска «Библиографических материалов», Пг., 1915-1918; «Литературно-библиологический сборник», Пг., 1918), «Библиографические листы» и др.; издания Общества библиотековедения – Устав Общества, его годовые отчеты, полный комплект журнала «Библиотекарь» за 1910-1915 гг., «Труды первого Всероссийского съезда по библиотечному делу, состоявшегося в С.-Петербурге с 1 по 7 июня 1911 г. В двух частях» (СПб., 1912); полный комплект «Библиографических известий» (издавались Русским библиографическим обществом при Московском университете) за 1913-1929 гг.; «Труды II Всероссийского библиографического съезда» (М., 1929), изданные Государственной центральной книжной палатой РСФСР. Широко представлены всевозможные библиографические справочники, каталоги библиотек (в том числе частных), публикации книготорговых заведений (прежде всего следует назвать полное собрание «Известий книжных магазинов Товарищества М.О.Вольф» за 1897-1917 гг.).

Имеются полные подборки всевозможных «Трудов» различных библиотек и книговедческих учреждений (упомянем, например, «Труды Института книги, документа и письма», публиковавшиеся в Ленинграде в 1930-х гг.). Аккуратно переплетены полные комплекты журналов «Красный библиотекарь» за 1923-1941 гг.) и «Библиотекарь» (с 1946 г.). Имеются отдельные номера еженедельного бюллетеня «Книгоноша» (в переплетенные вместе выпуски «Книгоноши» за октябрь-декабрь 1924 года вложена записка рукой отца: «Том спасен от сдачи в макулатуру в 40-х гг.»). Само собой разумеется, что в библиотеке имеется полный комплект «Альманаха библиофила» (в том числе и первый его выпуск, изданный Ленинградским обществом библиофилов в 1929 г.)...

Широко представлены всевозможные малотиражные материалы различных съездов и конференций библиотековедческого и книговедческого характера (начиная с 1920-х годов). Вообще в отцовском собрании – огромное количество «мелкого материала», «летучих изданий», всякой на первый взгляд малозначащей мелочи, которая отражает малозаметные конкретные стороны библиотечной жизни страны и которую теперь вряд ли отыщешь в фондах РНБ или РГБ.

Лично для меня, ревностного собирателя литературы по просопографии, генеалогии и истории семей, особенно дороги многочисленные книги, брошюры и статьи (в виде оттисков), посвященные *personalia* – прежде всего людям, оставившим след в истории отечественного книжного дела. Представлены труды, например (перечисляю выборочно, в алфавитном порядке), П.Н.Беркова, С.А.Венгерова (в том числе: «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых». Т. I, вып. 1-3; Т. II, вып. 4-5. Пг., 1915-1918), И.И.Горбунова-Посадова, М.Н.Куфаева, Н.М.Лисовского (в том числе «Библиография русской периодической печати 1703-1900 гг.» Пг., 1915; между прочим, в издательском картонном футляре), А.И.Малеина, В.И.Межова, А.В.Мезиер (в том числе: «Русская словесность с XI по XIX столетия. Библиографический указатель... Ч. II. Русская словесность XVIII и XIX ст. СПб., 1902), Н.М.Сомова, А.Д.Торопова, Д.В.Ульянинского, А.Г.Фомина, Л.Б.Хавкиной и других, а также и литература о них. Особое внимание он уделял трудам Н.А.Рубакина, тем более (и он оставался к этому факту равнодушным и даже этим гордился), что они были земляками – и тот, и другой родились в Ораниенбауме, и отцовское собрание украшают многие дореволюционные (и,

разумеется, все последующие) издания трудов этого выдающегося поборника народного просвещения.

Нет смысла приводить примеры хранящихся в библиотеке отца книг, изданных в послевоенное время, проще сказать, что он собрал практически все сколько-нибудь значимое, что выходило в свет (не только в Москве и в Ленинграде, но и во многих других городах) и относилось к библиотековедению, библиографии и книговедению.

Отмечу лишь, что поскольку большую часть своей жизни отец посвятил преподаванию курса библиотековедения в Библиотечном институте – Институте культуры, в его собрании, естественно, полно представлены учебники и вообще всевозможные учебные пособия по библиотечному делу. Заслуживает внимания весьма репрезентативное собрание авторефератов диссертаций, связанных с его специальностью. Отца специально интересовала библиотечная жизнь за рубежом, и он собрал многочисленные материалы, характеризующие постановку библиотечного дела в Чехословакии, Болгарии и других странах Восточной Европы, а также в ряде западноевропейских государств и в США.

Для полноты картины отмечу, что отец собирал не только книги как таковые, но и всевозможные прочие материалы, так или иначе связанные с книгой и библиотекой, например, почтовые марки и иллюстрированные почтовые конверты (если на них фигурировала книга, здания библиотек и т. д.), экслибрисы и даже всевозможные безделушки соответствующей тематики. Не могу не отметить особо, что он собрал большую коллекцию книжных закладок, придавая этому жанру малой графики не только эстетическое, но и пропагандистское значение, и у меня, между прочим, сохранились материалы выставки книжных закладок, которую он однажды устроил в помещении Института культуры.

В завершении краткого обзора состава отцовской библиотеки следует сказать, что среди собранных им книг – немало подлинных раритетов. Чтобы не быть голословным, несколько из них перечислено в приложении к настоящей статье.

* * *

Подлинный Библиофил, отец относился к книгам чрезвычайно бережно. Надо было видеть, как аккуратно он перелистывал страницы. Читая, никогда не сгибал уголки листов, не делал ни в тексте, ни на полях никаких помет; если же потребность выразить свое мнение (обычно несогласие с автором – ему было свойственно критически относиться к тексту, и в таких случаях у него «чесались руки») заставляла его братья за карандаш (писал он, как правило, именно карандашом, и, между прочим, у него была страсть коллекционировать карандаши разных марок), то он делал это на листках бумаги, которые вкладывал в книгу (многие такие вкладыши и сейчас лежат между страницами). Сохранял книги в их первоначальном переплете или издательской обложке. Это относилось и к тем приобретенным им экземплярам, которые находились в ветхом состоянии, – он их берег такими, какими они ему достались: не переплетал, не обрезал, просто иногда помещал их в картонные пакеты, подчас обертывая в листы чистой бумаги. Во имя сохранности книг при чтении нередко пользовался попитром собственной конструкции.

Обязанность беречь книгу с раннего моего детства он внушал и мне, и из немногих детских стихотворений, оставшихся в памяти, до сих пор на ум нередко приходят следующие строчки С.Я.Маршака:

«Жили-были книжки – Без конца и без начала,
Грязные, лохматые, Переплеты – как мочала,
Рваные, горбатые, На листах каракули.
Книжки горько плакали».

Это трогательное стихотворение («Книжка про книжки»), с которым меня познакомил отец, в свое время оказало немалое воздействие на формирование моего отношения к книге.

Впрочем, должен признаться, урок не вполне пошел впрок: я люблю книги с пометами, сделанными прежними читателями. Особенно это относится к литературе по моей специальности: родословные, содержащие рукописные исправления и дополнения, – сущий подарок для генеалога. Поэтому и я ничтоже сумняшися делаю пометы на страницах просматриваемых книг (разумеется, я имею в виду экземпляры, лично мне принадлежащие), потому что я знаю, что со временем после меня будущий читатель книг из моей собственной библиотеки будет листать их с гораздо большим интересом и удовольствием, чем девственно чистые экземпляры тех же книг, хранящиеся в РНБ. Кроме того, ветхие, потрепанные экземпляры я могу и обрезать, и заново переплести – ведь после этого с ними легче работать.

В принципе отец избегал давать друзьям и коллегам книги «на вынос». На одном из стеллажей был постоянно прикреплен листок, на котором его собственной рукой было написано:

«Не шарь по полкам жадным взглядом,
Здесь не даются книги на дом.
Лишь безнадежный идиот
Знакомым книги раздает».

Тем не менее, близкие к отцу люди доступ к его книгам все же имели. Среди них припоминаются Оскар Эдуардович Вольценбург, Николай Степанович Лебедев, Михалина Петровна Бронштейн, Ревекка Александровна Штейнпресс, из «молодежи» – аспирант Володя (нынешний Владимир Семенович) Крейденко... Однако, что греха таить, помнится, бывали случаи (к кому персонально это относилось, память не удержала), когда получить их обратно стоило труда.

Между прочим, упомянутой М.П.Бронштейн принадлежит серия фотографий, отснятых весной 1950 года и изображающих отца (иногда – вместе со мною) на фоне его библиотеки; на одной из них – дарственная надпись: «Лучшему библиографу среди фотографов от лучшего фотографа среди библиографов».

* * *

Что касается лично меня, отец не любил, чтобы я брал книги с его стеллажей, особенно без спроса. Однако, по мере моего взросления, он все-таки стал позволять мне это делать, удостоверяясь при этом, мыл ли я перед этим руки, и поглядывая на то, правильно ли я перелистываю страницы. Так или иначе, его библиотека не просто прочно вошла в мой быт, но и формировала не только мое отношение к книгам, но и в значительной степени мое самосознание, мое мировоззрение. Она стала неременной, органической частью моей жизни.

И теперь, понимая, что пришло время решить судьбу отцовского книжного собрания и что, по многим причинам, мне скоро придется – и даже следует – с ним расстаться, я все время откладываю принятие окончательного решения.

Дело в том, что однажды я уже прошел через нечто подобное: в свое время, приняв нелегкое решение полностью отказаться от продолжения своей научной работы в области изучения Индии, которой я отдал немало лет своей жизни, во имя полного переключения на генеалогические исследования, я в 1993 г. расстался с моей богатой индологической библиотекой: все иностранные книги об Индии я принес в дар Российской национальной библиотеке (большинства этих книг в РНБ не было), а почти все отечественные издания (в том числе полное собрание своих собственных трудов) подарил только что учрежденному в нашем городе Генеральному консульству Индии. Это решение было правильным, но и по сей день воспоминание об этом – словно незаживающая рана.

Так и теперь – мне нелегко окончательно расстаться с отцовской библиотекой, ибо это означало бы утратить элемент привычной среды обитания, той ее части, которая продолжает быть мне дорога, означало бы утратить частицу корневой связи с семейным прошлым. Тем не менее, я исполнен намерения в ближайшее время принять в этом отношении разумное, оптимальное и достойное решение.

Приложение.

**Краткий выборочный список редких изданий,
хранящихся в библиотеке В.Ф.Сахарова
(в порядке хронологии выхода в свет)**

Аркадьев Е.И. Словарь библиофила, т.-е. слов, касающихся книжного и печатного дела. М., 1890. 88 с. Тираж 300 экземпляров.

Криптогlossарий. Отрывок [Представление глагола «выпить»] / Составитель и автор предисловия Н.Тиханов. СПб., 1891. 18 с. Эксилибрис: Библиотека Н.К.Сипягина. Дарственная надпись: «В.Сахарову в день “совершеннолетия” (30 лет) [...]. Ник.Лебедев, 21/ХІІ 1931».

Ульянинский Д.В. Среди книг и их друзей. Часть первая. I. Из воспоминаний и заметок библиофила. II. Русские книжные росписи XVIII века (Библиографический обзор). М., 1903. 138 с.; ил. «Отпечатано в числе 325 пронумерованных экземпляров, из которых: №№ 1-30 – на слоновой бумаге, №№ 31-100 – на александрийской бумаге, №№ 101-300 – на веленовой бумаге и №№ I-XXV – подносные, на слоновой бумаге». В отцовской библиотеке – экземпляр № 237. Снимок экслибриса автора.

Адресная книга русских библиофилов и собирателей гравюр, литографий, лубков и прочих произведений печати / Составитель М.Я.Параделов. М., 1904. 180 с.

Краткий указатель архивам разных лиц и учреждений, собранным с 1894-го по 1906-ой год Г.В.Юдиным [Составитель и автор предисловия П.Симони]. СПб., 1907. 210 с.; ил. Тираж 200 экземпляров. Золотой обрез. Дарственная надпись А.Г.Юдина (сына Г.В.Юдина) Г.Е.Жукову. Эксилибрис А.С.Молчанова.

Незабвенному Владимиру Васильевичу Стасову, могучему борцу за самобытное творчество, от его почитателей. Сборник воспоминаний. СПб., [1908]. XII, 289, XXVI, 14 с.; ил.

Иваск У.Г. Частные библиотеки в России. Ч. II-я. Приложение к «Русскому библиофилу» 1911 г. СПб., 1912. 80 с.; ил.

Алчевская Х.Д. Передуманное и пережитое. Дневники, письма, воспоминания. М., 1912. 467 с.; ил.

Русские ведомости. 1863-1913. Сборник статей. М., 1913. 312, 230 с.; ил.

Фролов В.К. За 50 лет (1864-1914). (Материалы для истории газеты «Петербургский Листок»). Наброски и заметки. СПб., 1915. 64 с.; ил.
Дарственная надпись Н.А.Скроботова (редактора газеты). Издано «в самом ограниченном количестве экземпляров».

Либрович С.Ф. На книжном посту. Воспоминания. Записки. Документы. Пг.; М., 1916. 496 с.; ил.

Похвала книге / Составитель и автор предисловия И.А.Шляпкин. [Пг.], 1917. Тираж 650 экземпляров на тряпичной бумаге и 400 на простой.

Sertum bibliologicum в честь Президента Русского библиологического общества проф. А.И.Малеина. Пб., 1922. 374 с.; ил.

Иван Дмитриевич Галактионов. XLV. 1880 25/II 1925. Л., [1925]. 24 с.; ил. Тираж 100 экземпляров. Миниатюрное издание.

Голлербах Э. Силуэты Г.И.Нарбута. Л., 1926. 56 с.; ил. Тираж 300 нумерованных экземпляров. Экземпляр № 13.

Ленинградское общество библиофилов. XV заседание. 5 апреля 1927 г. Доклад Л.К.Ильинского МИНИАТЮРНЫЕ ИЗДАНИЯ... Л., [1927]. 40 с.; ил. Отпечатано в количестве 150 нумерованных экземпляров. Экземпляр № 61. Миниатюрное издание.

Орлов Н.Н. Удо Георгиевич Иваск как исследователь русского книжного знака. М., 1927. 72 с.; ил. Тираж 12 (№ I-XII) и 140 (1-140) экземпляров. Экземпляр № 97.

Альманах библиофила. Л., 1929. Экземпляр № 118.

Корнилов П. Книжные знаки библиотеки Н.Я.Агафонова (1842-1908). Казань, 1929. 8 с.; ил. Тираж 150 экземпляров. Малоформатное издание.